

МАРИЯ ПОНОМАРЕВА*

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН И ЕСТЕСТВЕННОЕ ПРАВО**

БОГОСЛОВЫ И ЮРИСТЫ ПРИ ДВОРЕ КАРЛА V МУДРОГО

Получено: 13.08.2023. Рецензировано: 12.09.2023. Принято: 11.04.2024.

Аннотация: Исследование посвящено различию в употреблении понятий «естественный закон» (*lex naturalis / loi naturelle*) и «естественное право» (*ius naturale / droit naturel*) в работах придворных интеллектуалов Карла v Мудрого. Указанное различие складывается не только в связи с тем, что благодаря королевской культурной политике в 1360–1370-х гг. возникает множество переводов классических сочинений с латинского на французский язык, но и потому, что при королевском дворе и в королевском Совете складываются несколько групп. Среди них историками выделено противостояние богословов (выходцев с богословского факультета) и юристов, наследующих легистам Филиппа IV Мудрого. Суть различия их программ можно проследить в том числе через различие в обращении с самым общим понятием, понятием природы. Так, на примере сочинений Николая Орема показано, что для него закон природы является неизменным источником знания о том, как должен быть устроен политический закон. С другой стороны, на материале «Сна садовника» показано, что в юридическом лагере не используются связки «закон природы / естественный закон», но используется понятие естественного права, которое сближается с *всеобщим правом*. Наконец, различие взглядов Орема и составителя «Сна садовника» проявляется в том, как они трактуют понятие состояния невинности — времени человеческой истории, когда не существовало позитивного права.

Ключевые слова: история понятий, естественный закон, естественное право, Карл v Мудрый, Никола Орем, средневековая политическая мысль, Сон садовника, состояние невинности.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-13-47.

Начало царствования французского короля Карла v Мудрого (1364–1380) было ознаменовано серией кризисов, преодоление которых отразилось не только в политической, но и культурной жизни королевства. Поражение французов в битве при Пуатье (1356) и пленение короля Иоанна II Доброго не способствовали укреплению королевской власти.

*Пономарева Мария Андреевна, аспирант, Институт всеобщей истории Российской академии наук (Москва); советник директора по воспитанию, Киноколледж № 40 «Московская международная киношкола» (Москва), m.ponomareva@mifs.ru, heliumxxi@gmail.com, ORCID: 0000-0001-9229-9924.

**© Пономарева, М. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Положение дофина Карла осложнилось также восстанием парижской буржуазии во главе с Этьеном Марселем в 1357 г.; еще через год разразилась Жакерия. Помимо конкретных политических и дипломатических решений, которые помогли дофину преодолеть сложившуюся ситуацию, практически сразу после заключения мира в Бретиньи в 1360 г. дофин и далее — король Карл V Мудрый основал королевскую библиотеку.

В связи с королевской библиотекой Карла V Мудрого следует рассматривать не только собственно книжное собрание в северной башне Лувра, но и весь комплекс культурной политики: покровительство интеллектуалам, инициирование масштабной переводческой работы (на французском языке впервые появляются благодаря королевскому заказу, например, «О граде Божьем» Августина, сочинения Аристотеля, «Поликратик» Иоанна Солсберийского, «Альфонсины» и многое другое), а также создание и поощрение определенной книжной культуры в дворянской среде. Как отмечает Жанин Кийе, именно во времена Карла V книга становится обыкновенным королевским подарком¹.

Интеллектуальная жизнь при королевском дворе была неоднородной. В первую очередь это связано с разнообразием сословного происхождения и культурного фона придворных интеллектуалов. В условиях формирования нового рода центра производства знания происходило определенное перемешивание социальных групп: так, при Карле V работали выпускники богословского факультета Парижского университета, правоведы, монахи-францисканцы: и *клирики*, и *рыцари*. Это разнообразие, а также неизбежная конкуренция за влияние в королевском совете комплексно определяли не только политические, но и переводческие, и теоретические стратегии. Так, например, Жак Кринен выделяет в среде придворных интеллектуалов Карла V две основные группы: *философов* (богословов) и *легистов* (юристов) (Крупен, 1991), чья взаимная неприязнь перерастает в заочную дискуссию по целому ряду вопросов: о юдициарной астрологии, о сновидениях, о роли придворного советника и, наконец, о природе самой королевской власти.

Разделение на «философов» и «юристов» среди интеллектуалов Карла V Мудрого, предложенное Жаком Криненом, не охватывает всех теоретических и практических противоречий, но может быть инструментально плодотворным в отношении истории двух понятий. Во-первых, это понятие закона. Жак Кринен выделяет «философов» и «юристов»

¹Подробнее о культурной политике Карла V см. Quillet, 1984: 54–58, 96–105.

как два парадигматически различных стиля мышления в первую очередь в связи с разницей в трактовке природы королевской власти в глоссах Николя Орема к его переводам из Аристотеля с одной стороны и в анонимной компиляции «Сон садовника» — с другой. Власть правителя, разумеется, является не только фактическим, но и концептуальным центром, вокруг которого выстраивается политическое мышление. Для Орема принципиальным вызовом являлась цивилистская максима *что угодно правителю, имеет силу закона*, восходящая к Дигестам (Дигесты Юстиниана, Кофанов, 2002/2006; *Corpus iuris civilis*, 1872–1895), к фрагменту из Ульпиана: *quod placuit principi habet vigorem legis* (D.1.4.1 pr., Ulp. 1 Inst), поскольку он мыслил в рамках томистского понимания закона как того, что сообразно разуму, и для него цивилистская максима была буквально оправданием тирании: разум, а не правитель, должен быть основанием, мерой и правилом политической жизни². С другой стороны, для составителя «Сна садовника» совершенно очевидно, что единственным источником закона является король — как император в своем королевстве³.

Это противоречие в трактовке одного из ключевых понятий политического мышления разворачивалось на фоне серьезного сдвига в истории естественной философии: постепенно подвергалась сомнению естественная телеология, т. е. представление о том, что все в природе имеет конечную цель, целевую причину, восходящее к Аристотелю (Bastit, 1987: 47–62, 49). В рамках истории науки этот эпизод рассматривается обыкновенно в связи с разработкой теории импетуса Жаном Буриданом, учителем Николя Орема, в Наваррском колледже. Однако природа как «то, из чего нечто возникает, и то, сообразно с чем оно возникает [...], и то, вследствие чего нечто возникает» (Аристотель, Кубицкий, 1976: 1032a), объединяющая и форму, и материю, и причины, является одним из самых общих понятий для системы европейского мышления. Более того, в томизме термин *natura* используется в значении «сущность»,

² «Item, par la fausse opinion et malvese suggestion de telz adulateurs et flateurs ont esté faites ou temps passé aucunes lays lesquelles attribuent as prince qu'il sunt pardesus les lays : Et quia princeps est solutus legibus, et quia principi placuit, legis habet vigorem. Laquelle chose est contre la doctrine de ceste science en plusieurs lieux» (LP. 202a).

³ «Derechief, au Roy appartient la souveraineté et le darrenier resort en tout son royaume et en tant que il ne pourret mie celle souveraineté donner, transporter ou aultrement alier, ne si n'y puet aucunement renuncier, car celle souveraineté et darrenier resort, si sont si et par telle maniere conjoins et anexés a la couronne que ilz ne puent de luy estre separés, car ce sont lez plus principales nobletés de la couronne» (SdV. II.CCLI.14).

что делает ее наиболее общим родовым понятием, главной категорией. В результате вопрос о том, целенаправленна ли природа, является фундаментальным: он неизбежно затрагивает все области знания и радикально сказывается на политической мысли.

Таким образом, для того, чтобы получить ключ к сути теоретического противоречия между «философами» и «юристами» при дворе Карла V Мудрого, следует сравнить способы концептуализации природы. В первом случае главным будет понятие естественного закона, *lex naturalis*, в рамках телеологии Аристотеля и томистской схоластики; во втором случае, — понятие естественного права, *ius naturale*, восходящее к Дигестам, в рамках постглоссаторской традиции. Наконец, свое предельное выражение эти понятия получают в представлениях о состоянии невинности человеческого общества — то есть о том времени, когда не существовало позитивного права.

Среди всех придворных интеллектуалов Карла V Мудрого Николя Орем (1320/5–1382) занимал особенное место потому, что состоял наставником при короле в его бытность дофином и был главной опорой для него после 1356 г., когда Иоанн Добрый был пленен англичанами. Сам Орем происходил из небогатой нормандской семьи, своим положением был обязан учебе в Наваррском колледже Парижского университета, основанном еще Жанной Наваррской как место подготовки прокоролевской элиты (Courtenay, 2004). В 1350-х гг. у Орема сложились знакомства с крупными придворными интеллектуалами: Пьером Берсиором, Филиппом де Витри, Жаном де Мюром и Гильомом Машо. Таким образом, Николя Орем происходит скорее из той среды авторов, которая возникла еще при Иоанне Добром, и даже свое первое известное сочинение «О монетах» Николя Орем написал по заказу Иоанна Доброго (Oresme, 1990).

Николя Орем переводил «Политику», как и все остальные сочинения Аристотеля, не с греческого, а с латинского. Основой для его работы послужил перевод, созданный Вильямом из Мербеке (1215–1286) в 1869 году⁴. Когда Орем составлял глоссы к своему переводу, он опирался на

⁴От Мербеке осталось два перевода, черновой и итоговый, на который впоследствии опирались Альберт Великий, Фома Аквинский и другие комментаторы. Николя Орему были известны оба перевода. О бытовании корпуса Аристотеля на средневековом западе см. Grabmann, 1941: 5–11; Flüeler, 2012: 19–27; издание чернового перевода см. Aristoteles, 1961; оба текста, с греческим оригиналом, изданы в Aristoteles, 1872.

уже сложившуюся к тому моменту традицию комментариев, но избирательно. Так, он использовал комментарии Альберта Великого, Фомы Аквинского и Пьера д'Овернь, однако полностью игнорировал толкования, предложенные Сигером Брабантским и лекции Жана Буридана. Первое (отказ цитировать Сигера Брабантского) вполне можно связать с внешней конъюнктурой, т. е. осуждением аверроизма в 1270 г., однако второе выглядит более странным: Жан Буридан был учителем Николя Орема в Наваррском колледже.

Перевод «Политики» сопровождается масштабным аппаратом. Во-первых, Орем составил собственно предисловие, *Le Proheme*, в котором посвятил свой перевод королю и объяснил значение науки политики; также Орем дал краткую техническую инструкцию, *Instruction*, в которой показал, как устроены внутренние ссылки, и отослал читателя, незнакомого с специфическими терминами, к глоссарию в конце перевода. Таких глоссариев два: во-первых, *Table des Notables*, понятийный указатель, в котором Орем иногда дает определения; во-вторых, *Table des expositions des fors mos de Politique*, словарь специфических терминов политической науки, где Орем объяснил введенные им неологизмы.

Так же, как и «Политика», «О небе» (*Le livre du ciel et du monde*) переведен с латинского текста. Николя Орем опирался на два источника: во-первых, перевод Роберта из Линкольна, заверченный Вильямом из Мербеке в 1265 г., а также на арабо-латинский перевод Михаила Скотта, составленный в 1230 г. и включавший комментарии Аверроэса⁵. Так же, как и перевод «Политики», «О небе» снабжен предисловием, обширными глоссами и содержанием (*Table des matieres*).

Мотивация переводческой работы Орема окончательно не ясна, и, кроме того, может различаться для перевода «Политики» и перевода «О небе». С одной стороны, как свидетельствуют другие переводчики, трудившиеся при дворе Карла V, инициатором и прямым заказчиком таких работ выступал сам король (например, об этом упоминает Дени Фульша в переводе «Поликратика» и Рауль де Прель в переводе «О граде Божьем»), с другой — Николя Орем был наставником короля. Не существует свидетельств, на основании которых можно было бы однозначно указать, кто именно был инициатором переводов из Аристотеля: король или его наставник. Сам Орем в предисловии в рукописи, где представлены совместно и перевод «Политики», и перевод «Этики»,

⁵ Оба перевода и комментарий Аверроэса можно найти в Aristoteles, 1550. Существует современное издание перевода Михаила Скотта: Averroes, 2003.

озаглавленном как «Пролог переводчика» (*Le Prologue du transateur*), объясняет свою задачу так:

...король пожелал, чтобы ради общего блага они [книги Аристотеля. — М. П.] были переведены на французский, дабы его советники и все прочие могли лучше их понимать⁶.

Таким образом, в этом случае Орем видит в качестве своей целевой аудитории собственно самого короля и его совет, и сам перевод «Политики» встраивается в ряд тех сочинений, которые должны были читаться вслух и обсуждаться при дворе. Перевод «О небе» принадлежит отличному от «Политики» контексту. Во-первых, нельзя сказать наверняка, планировал ли Орем или король изначально, в 1372 г., что вместе с практическими сочинениями Аристотеля на французский язык будет также переведен трактат «О небе». Сам Орем в послесловии к «О небе» говорит, что это он сам предложил перевести и прокомментировать эту книгу на французском, а в послесловии формулирует свою цель так:

Чтобы развлечь, занять и тронуть сердца молодых людей, обладающих тонким и возвышенным складом и стремящихся к науке, чтобы они выучились спорить и критиковать меня из любви и стремления к истине, я осмелюсь утверждать, я убежден, что нет смертного, который видел бы книгу прекраснее и лучше о естественной философии, чем эта ни на еврейском, ни на греческом или арабском, ни на латыни, ни на французском⁷.

Таким образом, «О небе» не адресована эксплицитно ни королю, ни королевским советникам, и Орем сосредоточен на самой по себе естественной философии. Поэтому «О небе» встраивается, с одной стороны, в ряд его собственных естественнонаучных сочинений, некоторые из которых были адресованы университетскому кругу («О соизмеримости и несоизмеримости движений неба», «О чудесах» и др.), некоторые — королю. Сам король не был чужд естественной философии, но только в одном аспекте — его интересовала предсказательная астрология⁸.

⁶«...le Roy voulu pour le bien commun les faire translater en françoys, affin que il et ses conseillers et autres les puissant mieulx entendre, mesmement Ethiques et Politiques, desquelz comme dit est le premier aprent estre bon homme et l'autre bon prince» (Oresme, 2020).

⁷«Et pour animer, exciter et esmouvoir les cuers des jeunes hommes qui ont subtilz et nobles engins et désir de science, afin que il estudient a dire encontre et a moi reprendre pour amour et affection de vérité, je ose dire et me faiz fort qu'il n'est homme mortel qui onques veist plus bel ne meilleur livre de philosophie naturele que est cestui, ne en ebreu, ne en grec ou arabic, ne en latin, ne en françois» (LC. 203c).

⁸О значении астрологии и полемике Орема против астрологов при дворе Карла V см. Jourdain, 1888: 564–565; в библиотеке Карла V насчитывалось не менее 300 книг по

Орем, в свою очередь, выступал последовательным противником предсказательной астрологии в адресованных королю сочинениях «Против астрономов-прорицателей», «О гаданиях» и в ряде глосс к «Политике» и «Этике». На практике же вопрос об астрологии был выражением соперничества Орема с придворными легистами, из чьего лагеря происходит «Сон садовника».

«Сон садовника» был составлен в 1376–1378 гг. анонимно сначала как компиляция различных латинских текстов, затем переведен и адаптирован на французском языке. В составе текста опознаются фрагменты из прокоролевских памфлетов эпохи противостояния французского короля Филиппа IV Красивого и папы Бонифация VIII, фрагменты полемики вокруг ордена францисканцев 1316–1334 гг., сочинения юристов (Эврара де Тремогона, Джованни да Леньяно, Бартоло да Сассоферато, Рикардо да Саличето и других), богословские университетские сочинения (фрагменты из Фомы Аквинского), а также фрагменты из «Защитника мира» Марсилия Падуанского. Несмотря на то, что фактически «Сон садовника» представляет собой перевод, он не принадлежит к переводам как к литературному жанру⁹. Формально «Сон садовника» — это аллегорическое видение в форме диспута между рыцарем и клириком — адвокатами, соответственно, светской власти и духовной в их тяжбе перед лицом государя. По содержанию «Сон садовника» охватывает разнообразные вопросы королевской власти, т. е. является политическим зеркалом.

Составление «Сна садовника» приписывалось различным кандидатам¹⁰, однако на данный момент считается, что составителем «Сна садовника» был Эввар де Тремогон (†1386) — кандидатура, предложенная Альфредом Ковилем (Coville, 1933; Schnerb-Lievre, 1980: 527–530) и поддержанная издательницей трактата, Марион Шнерб-Льевр (SdV. P. LXXVII). Эввар де Тремогон был выпускником Болонского университета, где он обучался у Джованни да Леньяно и где получил лицензию на

астрологии, он активно покровительствовал переводчикам астрологических трактатов (Dodu, 1929: 14; Coorland, 1952: 184–185); также Карл V при поддержке своего врача, Жерве Кретьена, основал коллеж Байе, где изучались медицина и астрология (Boudet, 2010: 101–102).

⁹Так, другие переводчики круга Карла V Мудрого в предисловиях открыто объясняют, что сделали перевод, жалуются на синтаксические сложности, объясняют неологизмы, иногда дают комментарий относительно оригинального сочинения (см., напр., Foulechat, 1994: 87); все это отсутствует в «Сне садовника».

¹⁰Так, в рукописях упоминаются Уильям Оккам, Филипп де Мезьер, Шарль де Лувьер, Рауль де Прель и Николя Орем (см. обзор традиции SdV. P. LXXVII).

преподавание как доктор *utriusque iuris* в 1367 г. Он продолжил свою карьеру в Парижском университете — от этого периода сохранились его «Три лекции о декреталях» (1371–1373), однако в 1374 г. папа Григорий XI освободил Тремогона от этой службы для того, чтобы тот выполнил некоторую работу для короля¹¹. Согласно гипотезе Шнерб-Льевр, именно тогда Тремогон стал членом королевского совета, королевским рекетмейстером и принялся за работу над «Сном садовника». К 1382 г. Тремогон получил епископскую кафедру в Доль-де-Бретань.

Несмотря на то, что интересы Орема касались и естественной философии, и политики, он смешивает эти области нечасто. Скорее всего, в этом просто нет прямой необходимости потому, что общим языком знания, который Орем использует и для первой, и для второй, остается язык метафизики Аристотеля. Тем не менее, иногда в работах Орема политическое и естественнонаучное пересекаются. В комментарии к фрагменту из самого начала трактата «О небе» Орем в целом осмысляет закон как закон природы и закон политический. Основание для такой трактовки, конечно, содержится в самом тексте «О небе», где Аристотель, ссылаясь на пифагорейцев, объясняет основополагающее значение троицы:

...ибо, как говорят пифагорейцы, «целое» и «все» определяются через число три: начало, середина и конец составляют число целого, и при этом троицу. Вот почему, переняв у природы, так сказать, ее законы, мы пользуемся этим числом при богослужениях (Аристотель, Лебедев, 1981b: 2868a).

Любое единство автоматически устанавливает и троичность: начало, середину и конец, и это — закон природы. Троица, используемая в богослужениях — заимствование этого закона. Однако прямой зависимости здесь нет. В томистской схоластике также напрямую подобной связи не прослеживалось: Фома Аквинский, комментируя этот фрагмент из Аристотеля, указывает только на совершенство троицы, которое проявляется и в природе, и в Боге¹².

¹¹ «...propter negocia [...] Karoli regis Francorum illustris quibus insistere te oportet» (Arch. Vat., Reg. Avignon 192, fol. 284v, цит. по Coville, 1933).

¹² «...propter quod a natura etc., probat idem per ea quae in cultu divino observantur. Utimur enim numero hoc, scilicet ternario, ad sanctificationes deorum (quos scilicet gentiles colebant), idest in sacrificiis et laudibus ipsorum, ac si acceperimus a natura leges et regulas ipsius: ut scilicet, sicut natura perficit omnia ternario numero, ita illi qui instituerunt cultum

О том, что закон позитивный следует за природой, говорится в арабско-латинском комментированном переводе «О небе», который Орем использовал как вспомогательный источник в своей работе, указывая его как *l'autre translation*. Этот перевод был создан Михаилом Скоттом, одним из переводчиков XII в., астрологом и магом, который вместе с текстом Аристотеля перевел на латынь и комментарий Аверроэса. Его перевод указанного фрагмента отличается от того, который делал Мербеке, незначительно лексически. Так, Скотт пишет о троице: «Мы обнаруживаем это число в природе и покоряемся (*sustinemus*) ему как нашему закону»¹³; Мербеке передавал это иначе: «Мы, получающие (*accipientes*) от природы это число как законы, пользуемся им при богослужениях»¹⁴. Однако проблема не ограничивается лексическим различием, потому что в переводе Скотта приведен и комментарий Аверроэса:

Также Бог даровал иное знаменитое правило, которое было в том, чтобы предписывать им закон, чтобы молитвы или жертвы их были тройными, и сказал, и тот, кто даровал закон людям, не изобрел это число, а следовал природе, чтобы этот закон был как бы следствием природы¹⁵.

Собственно, Николя Орем развивает в итоге именно мысль Аверроэса: законы, которые устанавливают правители, позитивное право, должно следовать закону природы. Для Орема, однако, речь уже не идет только о богослужениях, молитвах и жертвах, он говорит о любом праве: «Законы, устанавливаемые произвольно, должны следовать за природой, которая склоняет благопорядочную волю принимать те или иные законы»¹⁶. На протяжении комментария «О небе» Орем более не возвращается к обсуждению права, однако ключевая мысль уже выведена им: существует естественный закон как закон природы, и законы, по которым живет человеческое общество, должны соотноситься с ним.

divinum, volentes Deo attribuere omne quod perfectum est, attribuunt ei ternarium numerum» (De caelo et mundo expositio, 2023).

¹³ «Et non invenimus istum numerum nisi ex natura, et sustinemus ipsum quasi legem nobis» (Aristoteles, 1550: 2a).

¹⁴ «Qua propter a natura accipientes tanquam leges illius, et ad sanctificationes deorum hoc utimur numero» (ibid.: 2a).

¹⁵ «Deus dedit etiam aliam rationem famosam, quod hoc fuit eam, ut lex apud eos preciperet, ut orationes eorum essent tres, aut sacrificial, et dixit et non invenit legislator hominibus istum numerum, nisi ut sequeretur naturam, ut ista lex sit quasi sequens naturam» (ibid.: 2b).

¹⁶ «Les loys qui sont volontaires doivent ensuir nature laquelle encline volenté bien ordenee a maittre loys telles ou telles» (LC. 50).

Природа человека и человеческого общества — предмет «Политики» и, соответственно, комментария, который Орем дает к этому сочинению. Он в целом следует за Аристотелем в вопросах политической антропологии: человеческая природа социальна, человек не может полностью воплотить свои возможности и стать счастливым вне гражданского (политического) общения. На это указывает речевая способность. Орем объясняет это в самом начале «Политики»:

Человек по природе владеет речью, и речь по природе предназначена для гражданского общения. Следовательно, человек по природе предназначен к такому общению. Затем он [Аристотель. — *М. П.*] показывает, что город по природе предшествует и человеку, и домохозяйству, — по совершенству, а не по происхождению¹⁷.

Таким образом, природа предписывает человеку политическую жизнь. Тем не менее, чтобы исполнить это предписание необходимо, согласно Орему, знание науки политики и умение пользоваться этой наукой. Исполнение закона природы, который предписывает человеку гражданскую жизнь, описывается Оремом как исцеление больного. Подобная параллель может быть связана с влиянием «Защитника мира» Марсилия Падуанского, которого Орем не цитирует напрямую, но который так же сравнивал политику с медициной. Если медицина позволяет восстановить естественный, должный порядок в человеческом теле, то политика, точно так же, должна быть той наукой, которая позволяет восстановить естественный порядок в теле политическом — церкви или королевстве (*Defensor pacis. I.2.1–3*)¹⁸. В этом отношении Орем привносит важное новшество в понимание науки политики: если для Аристотеля эта наука является архитектурической потому, что ее предмет — это высшее благо, цель всех целей, и потому эта наука управляет другими науками¹⁹, то для Орема политика — это наука об управлении и более — о спасении, которое сравнимо с выздоровлением:

¹⁷«Et homme a parole par nature et parole est ordenee par nature a comunicacion civile. Donques est homme par nature ordene a tele comunicacion. Apres il moustre que cité est premiere selon nature que ne est maison et que ne est homme. Et ce est a entendre en voie de perfection et non pas en voie de generacion» (LP. 8c).

¹⁸Подробнее об этом см. Lagarde, 1970: 321; о влиянии Марсилия Падуанского на политическую мысль Николая Орема см. Shahar, 1970: 203–209; Babbit, 1985: 75–76, 126–140; о значении телесной метафоры в политической лексике см. Nederman, 1987: 211–223 *Body Politics...*, 2004: 59–87; Briguglia, 2008.

¹⁹Ср. «Надо, видимо, признать, что оно [высшее благо], относится к ведению важнейшей [науки, т. е. науки], которая главным образом управляет. А такой представляет наука о государстве, [или политика]. Она ведь устанавливает, какие науки нужны в государстве

«Политика — это то, что в чем состоит забота (*cure*) о республике (*chose publique*), и то, что в своем мастерстве рассудительности, мере и весе своей справедливости, постоянстве и твердости своей силы, в долготерпении своей умеренности несет рецепт всеобщего исцеления (*salut*): так, она могла бы сказать о самой себе: „Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду“». Так же, как наукой и искусством медицины исцеляются и остаются здоровыми тела (*corps*), по природной способности, так же рассудительностью и мастерством, описанными и разъясненными в этом учении, основывались, блюлись и реформировались государства, и поддерживались королевства и княжества, насколько это было возможно²⁰.

Во время болезни подвергается порче человеческое существо как живое; при дурном правлении подвергается порче человеческое существо как разумное. Более того, Орем уточняет в одной из глосс, что исключение из общения может быть наказанием, причем наивысшим, и объясняет это экклезиологически. Он ссылается на *историю Юлия Цезаря*, которую издатель опознает как «Деяния римлян» — анонимную компиляцию начала XIII в. (*Li Fet des Romains...*, 1977) — и утверждает, что в древности наивысшим наказанием было отлучение от участия в отправлении божественного культа, что означало изгнание вообще, т. е. буквально отлучение. Орем видит прямую параллель между древним примером и значением отлучения от Церкви и делает вывод о том, что, таким образом, «политическое общение наиболее естественно и прилично человеку»²¹.

и какие науки и в каком объеме должен изучать каждый. [...] А поскольку наука о государстве пользуется остальными науками как средствами и, кроме того, законодательно определяет, какие поступки следует совершать или от каких воздерживаться, то ее цель включает, видимо, цели других наук, а, следовательно, эта цель и будет высшим благом для людей [вообще]» (Аристотель, Брагинская, 1983а: 1094а–b).

²⁰ «Politiqua est que reipublice curam sustinens cunctorum saluti sue prudentie solertia et justicie quoque libera et fortitudinis stabilitate ac temperantie paciencia medetur. Ut ipsa politica dicat de semet, “Per me reges regnant et legume conditores justa decernunt” [Prov. 8 :15]. Politique est celle qui soustient la cure de la chose publique et qui, par l’industrie de sa prudence et par la balance ou poies de sa justice et par la constance et fermeté de sa fortitude et par la pacience de son attempance, donne medicine au salut de tous; en tant que elle oeut dire de soi meisme: Par moy les roys regnent, et ceulz qui funt les lays decernent et determinent par moy quelles choses sont justes. Et ainsi comme par la science et art de medicine lez corps sont mis et gardés en sanité selon la possibilité de nature, semblablement par la prudence et industrie qui est expliee et descripte en cest doctrine les policies ont esté institutees, gardees et reformees et les royalmes et princeys maintenus tant comme estoit possible» (LP. 3d).

²¹ Цитата полностью: «Et la perfection et la plus grant noblece de comunicacion humaine est en participer es divins sacrifices, si comme tousjours a esté en toutes lays ou sectes ou

Таким образом, относительно связи закона природы, природы человека и политического закона, как ее видит Николя Орем, нужно сделать несколько выводов. Во-первых, для Орема как для философа очевидно, что человеческие законы и постановления должны следовать, а не противоречить закону природы. Во-вторых, закон природы (будь то движения тел или человеческое существо) открыт для знания: физики, медицины, политики. В-третьих, именно знание может позволить человеку состояться: как медицина позволяет ему излечиться и поддерживать свое тело, так гражданское общение и справедливость позволяют ему состояться как разумному существу — спастись²².

У взгляда на человеческую природу, представленного в «Сне садовника», есть несколько формальных особенностей. Во-первых, в нем речь идет в первую очередь о естественном праве, а не о законе. Во-вторых, в силу того, что сам трактат является компиляцией, в нем нет систематического анализа этого понятия: о естественном праве и политической антропологии речь идет в разных фрагментах, которые соединяются, по словам одного из исследователей, «методом ножниц и клея» (Lagarde, 1934: 1–33; 219–237). В первую очередь, это фрагмент из начала первой книги (SdV. I.XXXVI), в основу которого лег *Consilium 69* болонского юриста постглоссатора Ольдрадо да Понте (†1335). Этот текст Ольдрадо вошел также в сборник его консультаций, датируемый обыкновенно приблизительно 1333 г. (Valsecchi, 2013: 1452; McManus, 1999: 85–113; Zaccour, 1990: 6–9) и бывший довольно популярным собранием в своем роде. Несмотря на название, в сборнике консультаций представлены не только консультации, составленные на основании юридической практики, но

policies, et sera dit ou .vii.e livre. Et jouzte ce est recité en l'ystore de Jules Cesar [...], comme ce seroit reputeed tres grant paine de estre privé de tele comunicacion. Et estoit ce que nous disons excommunicacion, qui signifie estre hors de comunicacion, Et selon droit canons, ce est tres grande paine. Et ce est signe que comunicacion politique est tres naturele et tres convenable a humaine creature» (LP. 8a).

²²К выводам можно добавить несколько наблюдений. Во-первых, Орем говорит в основном о естественном законе, но не естественном праве. Во-вторых, в его понимании политика получает черты механической, а не практической науки (ср. таксономию наук в «Дидаскаликоне» Гуго Сен-Викторского). В-третьих, мысль Орема одинаковая в комментариях к «О небе» и к «Истории Цезаря»: политическое общение начинается и заканчивается на отправлении культа.

и тексты, более напоминающие *questiones disputatae*, схоластические университетские материалы²³. *Consilium 69* посвящен вопросу о том, имеет ли император Священной римской империи власть над всем миром, или нет, и некоторые исследователи причисляют его к *неаполитанскому спору*²⁴. Второй фрагмент (SdV. I.CXXVIII), на основании которого можно говорить о политической антропологии «Сна садовника» — небольшой отрывок из диалога, составленного предположительно²⁵ доктором богословия Ричардом Фицральфом (1299–1360) в 1356 г. под заголовком «О бедности Спасителя» (*De pauperie Salvatoris*)²⁶, — обширного трактата в форме диалога, направленного против нищенствующих орденов (Dunne & Nolan, 2022: 21–22).

Если Орем настроен в отношении политической жизни скорее оптимистично, т. е. он полагает, что справедливостью спасается человек и излечивается политическое тело, то в «Сне садовника» в уста протагониста (рыцаря) вложен гораздо более пессимистический взгляд: человеческая природа, подверженная порче телесно и духовно, с течением времени только ухудшается. Именно из-за этого необходимо, чтобы существовала политическая власть, гражданское право и прочие законы:

...с течением времени человеческая природа настолько испортилась в отношении нравов, мощи и телесного свойства, что законы и установления стали необходимы и были даны Моисеем народу. И с тех пор, так как человеческая природа всегда ухудшается, идет к упадку, были изысканы гражданские законы и прочие позитивные установления²⁷.

²³Подробнее о структуре аргументации и истории бытования *Consilium 69* см. Montagu, 1994; Пономарева, 2023.

²⁴Неаполитанский спор — это конфликт между императором Генрихом VII Мудрым и Робертом I Мудрым, лидером движения гвельфов, который помешал императору короноваться в соборе св. Петра и был осужден в итоге императором за предательство (см. Bowsky, 1960: 17–23; Neuen, 1965; Hellmann, 1957: 15–33; Hitzfeld, 1964: 43–53).

²⁵Составительница критического издания «Сна садовника» идентифицировала не все *fontes formalis* этой компиляции, и SdV. I.CXXVIII принадлежит к неопознанному. Тем не менее, в пользу такой атрибуции может говорить, во-первых, само по себе сходство текстов Фицральфа и латинского черновика «Сна садовника», SdV. I.CLXII; во-вторых, Фицральф был участником полемики вокруг нищенствующих орденов, развернувшейся в 1330–40-х гг., а из этого корпуса текстов составитель заимствует достаточно широко, например, буллу папы Иннокентия XXII *Quia vir reprobis* (1329) и сочинения Михаила Цезенского.

²⁶Brock, 1954; более подробный обзор диалога см. Hartmann, 2007: 595–598.

²⁷«...par laps de temps, nature humaine si est enpyree en muers et en puissance et en vertu corporele, et, pour tant, lez loys et lez constitucions furent necessaires et furent donnees par

Примечательно, что для Фицральфа (и, соответственно, составителя «Сна садовника») это ухудшение человеческой природы связано не собственно с грехопадением, а с определенным видением истории. Приводя примеры человеческой мощи, он упоминает не только Адама, но и Мафусаила (SdV. I.CXXVIII.8) и вообще настаивает на том, что все всякая вещь слабеет по мере удаления от своего истока, ссылаясь на «Книгу о причинах» (*Liber de causis*) Псевдо-Аристотеля²⁸ и «Чудеса мира» Гая Юлия Солина (G. Iulii Solini, 1895: 21). Общий тезис, на который опирается Фицральф, заимствован из «Метеорологики» Аристотеля, где тот утверждает, что «суша и моря меняются местами, и земля не остается на все времена землей, а море морем» (Аристотель, Брагинская, 1981а: 351а). Впрочем, этот тезис вырван из контекста, потому что для Аристотеля естественная изменчивость ни в коем случае не указывает на становление космоса, поскольку «время бесконечно, а Вселенная — вечна».

Однако составителю «Сна садовника» наиболее общие метафизические соображения, будь то об изменчивости космоса или, наоборот, его постоянстве, неинтересны. Наиболее общее понятие, которое можно найти в его компиляции — понятие естественного права в отрывке, взятом из *Consilium 69* Ольдрадо да Понте. Особенность такого заимствования состоит не только в том, что это понятие правовое, и Орем, например, его вообще практически не использует, но и в том, что через текст Ольдрадо в «Сон садовника» проникает совершенно конкретная версия трактовки этого понятия.

Средневековая наука права унаследовала из раннего средневекового энциклопедизма и схоластики способ построения таксономии понятий как важный, если не важнейший научный инструмент. Уже в «Этимологиях» Исихора Севильского предлагается такая таксономия, и согласно ей «Право является общим именем, а закон — видом права»²⁹. В определении, в свою очередь, естественного права, Исихор опирался (возможно,

Moÿse au pueple. Et après, pour ce que nature humaine va tousjours en enpirant et en declinant, furent trouvees lez loys civiles et lez aultres constitutions positives» (SdV. I.CXXVIII.6).

²⁸См., напр.: «Intelligentiae superiores primae, quae sequuntur causam primam, imprimunt formas secundas, stantes, quae non destruuntur ita ut sit necessarium iterare eas vice alia. Intelligentiae autem secundae imprimunt formas declines, separabiles, sicut est anima» (*Le Livre de causis...*, 1966: 145, 90–203); это компиляция из поздней неоплатонической философии, предположительно, фрагментов «Первооснов теологии» Прокла, переведенная на латынь в XII в. Герардом Кремонским.

²⁹«Ius generale nomen est, lex autem iuris est species» (*Etym.v.3*).

опосредованно), на Дигесты и на представление о естественном праве, сформулированном у Цицерона (Марей, 2014: 367): «Естественное право общее для всех народов [nationum], и это то, что принято где бы то ни было по внушению природы, а не по чьему-либо установлению...»³⁰. В остальном таксономия, предложенная Исидором, сохраняла те виды права, которые выделяли римские юристы [ius naturale, ius civile, ius gentium, ius militare, ius publicum, ius quiritum]. Однако в схоластике таксономия должна строиться диалектически, т. е. опираться на закон противоречия, и когда Грациан заимствовал для Декрета фрагменты из «Этимологий» Исидора, он совместил то, что Исидор говорил о праве как общем имени, и то, что Исидор говорил о законах, которые бывают либо божественные, либо человеческие:

Родом человеческим управляют две [силы], а именно естественное право и обычаи (*mores*). Естественным правом является то, что содержится в законе и Евангелии, по которому каждому предписывается поступать с другими так, как он хочет, чтобы другие поступали с ним, и запрещается причинять другим то, что он не хочет, чтобы причиняли ему³¹.

Так, Грациан уже подготовил почву для полного сближения понятий божественного права и божественного закона, и, таким образом, создания единой научной таксономии для последующих средневековых юристов.

Однако проблема классификации и последующего отождествления естественного права с божественным законом — не единственная, с которой столкнулись глоссаторы. Понятие естественного права в Дигестах не совсем однозначно: его содержание колеблется в связи с понятием *ius gentium*, всеобщего права. Во фрагменте, восходящем к Ульпиану, естественное право определяется как «то, которому природа научила все живое: ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам» (D.1.1.1.3, Ulp. 1 Inst.), и отличается от всеобщего права, соответственно, тем, что присуще вообще всему живому, а всеобщее — только людям (D.1.1.1.4, Ulp. 1 Inst.). Во фрагменте, восходящем к «Институциям» Гая и посвященном всеобщему праву, сказано, что это «право, которое естественный

³⁰ «Ius naturale [est] commune omnium nationum, et quod ubique instinctu naturae, non constitutione aliqua habetur» (Етум.v.4, пер. Е. С. Марей, см.: Марей, 2016: 114–129, 122).

³¹ «Humanum genus duobus regitur, naturali uidelicet iure et moribus. Ius naturae est, quod in lege et euangelio continetur, quo quisque iubetur alii facere, quod sibi uult fieri, et prohibetur alii inferre, quod sibi nolit fieri» (D. 1 c. 1, пер. по: Иоанн Грациан, Усков, 1999).

разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы» (D.1.1.9, *Gai. 1 Inst.*). В результате, естественное право и присуще всему живому, и, как установление естественного разума, прослеживается во всеобщем праве, т. е. таком, которое присуще вообще всем людям. Эта сложность по-разному прочитывалась канонистами и схоластами, однако в итоге в *Consilium 69* и, соответственно, в «Сон садовника», попала трактовка, согласно которой в рамках естественного права следует различать первичное естественное право и естественное право, отождествляемое с всеобщим правом³². Первичное естественное право (*ius naturale primaevum*) — то, которому «природа научила все живое», а всеобщее право — то, которое «соблюдают между собой люди по природной склонности»³³.

Таким образом, когда в «Сне садовника» рыцарь (говоря словами Ольдрадо) рассматривает положение светской власти с точки зрения разных видов права, он говорит:

Первичным естественным правом нельзя обосновать никакого господства, ведь в то время ни власти не были установлены, ни земли разделены, а значит, не было ни короля, ни императора. Это право общее для всех людей и зверей, оно заставляет всякого человека и всякого зверя порождать себе подобного, кормить его и оберегать, как гласит первый закон в Дигестах³⁴.

Таким образом, само по себе естественное право вообще не предполагает никакого порядка подчинения и господства. Более того, понятие первичного естественного права обретает свою темпоральность: «в то время ни власти не были установлены». Речь идет о времени, или состоянии невинности — далеком времени, когда человеческая природа еще не была так испорчена, но потерянном вследствие либо самого хода

³²См., напр., Лоренцо Испанца, Плацентина и Петра де Беллапертика (Fedele, 2020: 225–232).

³³Цитата полностью: «Dico ipsum ius gentium una cum genere humano introductum est: cum fuit ponere homines statim fuit ponere ius gentium, quod procedit ex ratione regulata. [...] Est ius naturale primaevum: et istud est scibile quod omnia animalia habent quodquidem ius naturale nihil statuit. Ius gentium est illud quod homines habent inter se ex instinctu naturae. Et plus quod peraeque omnes constituunt: et apud omnes servatur tam apud Hebraeos quam Graecos vel paganos» (цит. по: *ibid.*: 231).

³⁴«De Droit naturel primerain, ne puet il prover aucune seigneurie ; car, en celuy temps, lez seignories n'estaient pas ordenees, ne lez terres divisees, ne, adonques, n'estoit Roy ne Impereur. Ce Droit est comun a touz hommes et a toutes bestes ; ce Droit naturel encline tout homme et toute beste a engendrer son semblable, et a le nourrir et garder, comme dit la loy premiere, § Jus naturale, es Digestes, De justicia et jure» (SdV. 1.XXXVI.24).

времени и изменчивости космоса, либо вследствие грехопадения, — об этом будет сказано ниже.

Тем не менее, синьории, города и королевства основаны, разделены и устроены. Ольдрадо указывает на основание такого разделения несколько раз: когда говорит о божественном праве и о всеобщем праве. Во-первых, он смешивает юридическую и томистскую терминологию и, более того, совмещает понятия права и закона, опираясь на Декрет Грациана. В «Сне садовника» компилятор и переводчик передает это так:

И поскольку общность, как говорится в законе, рождает обыкновенно разногласие и раздор, Он захотел и приказал, чтобы земля принадлежала тому, кто ее первым займет, согласно тринадцатой главе [книги] Второзакония, где написано, что всякая земля, на которую ступит нога твоя, будет твоей. По этому божественному Закону учреждены, установлены и разделены сеньории и королевства, ради управления миром, как явствует из [примеров] Давида, Саула и Соломона и многих других царей, описанных в Ветхом Завете, о которых мы читаем в Декретах [Григория IX], что многие цари были посвящены по велению Бога³⁵.

Ольдрадо перепутал ссылку на Священное писание, — цитата, которую он приводит, из Втор. 11:24. Это не случайно: ошибка произошла, потому что он цитирует Ветхий завет не напрямую, а по глоссе Аккурсия к D.41.2 pr., где Павел объясняет, что такое владение³⁶. Аккурсий прокомментировал выражение «естественным образом», *naturaliter*, сославшись на Второзаконие, как «телесно»:

Т. е. телесно, но почему телесное владение называется естественным? Отвечаю, в отличие от цивильного, поскольку прежде, чем появились цивильные права, по естественному праву уже было установлено, что всякая земля, на которую ступит нога твоя, будет твоей³⁷.

³⁵ «Et pour ce que comunion, come dit la loy, si engendre comunement descort et division, il vout et ordena que la terre fust a celui qui premier l'occuperet, en Deuteronomie, ou XIIIe chapitre, ou il est escript que quelle terre ton pié marchera sera tiene. De ceste Loy divine sont lez signories divisies et lez royaumes, pour la pollicie du monde, ordenés er establish, comme il appiert our oy David, en Saül et en Salomon, et en plusieurs aultres roy approves en l'ancien Testament, dezqueulz nous lisons De sacra unzione, ou chapitre unique, que plusieurs Roys furent consecrés du comandement de Dieu» (SdV. I.XXXVI.7–8).

³⁶D. 41.2.1 pr., Paul. 54 ad ed. Владение (*possessio*) названо, как и Лабен говорит, от «оседлых мест» (*a sedibus*), как бы расположение (*positio*), которое греки называют «обитанием», так как его естественным образом удерживает тот, кто там разместился.

³⁷ «*Naturaliter*. Id est, corporaliter, sed quare corporaliter possessio dicitur naturaliter? Respondeo ad differentiam civilis : et ideo quia de iure naturali primaeva antequam essent iura

Аккурсий отсылает к эпизоду, где Бог, даруя иудеям заповеди и обещая землю за Иорданом, говорит Моисею, что если иудеи будут соблюдать эти заповеди, то «всякая земля, на которую ступит нога ваша, будет вашей», и «вы овладеете народами, которые больше и сильнее вас» (Втор. 11:23). Тем не менее, Ольдрадо этот контекст полностью игнорирует: для него речь идет именно о *res nullius*, о ничейных вещах, а не о других народах. Он ясно дает это понять ниже, когда разбирает интересующий его вопрос с точки зрения всеобщего права и далее — гражданского. Когда он обращается к всеобщему праву, он отождествляет его с естественным (разделяя, как объяснялось выше, *первичное* естественное права и всеобщее право, также называющееся естественным), и говорит:

Но рассмотрим, может ли он [император. — М. П.] обосновать свое господство всеобщим правом, которое также называется правом естественным, поскольку Бог сотворил все вещи для людей, как говорится в Дигестах. По этому праву разделены синьории, созданы и устроены города, основаны королевства, как гласит закон³⁸.

Ольдрадо ссылается, во-первых, на D. 22.1.28 пр., Gai. 2 Rer. cott.³⁹, где Гай утверждает, что ребенок рабыни не может принадлежать владельцу как если бы это был приплод скота, но только собственнику, потому что «для людей природа приготовила все плоды вещей»; и, во-вторых, на D.1.1.5, Herm. 1 Epit., где Гермогениан дает определение всеобщему праву, *ius gentium*⁴⁰. Всеобщее право предшествует по своей авторитетности гражданскому праву, и Ольдрадо ниже связывает это

civilia, id est leges fuit statutum ut quamcumque terram calcaverit pes tuus, tua sit». Цит по: Volante, 2003: 17.

³⁸«Mez veons se il puet prouver sa seignorie du Droit dez gens, lequel aussi est appellé Droit naturel, car Diex a toutes choses créés pour lez hommes, comme il appiert es Digestes, De usuris, en la loy In pecudum. De ce Droit, cy sont lez seignories divisees, lez cités faittes et ordenees, et lez royaumes establis, come dit la loy Ex hoc jure, es Digestes, De justicia et jure» (SdV. I.XXXVI.25).

³⁹D.22.1.28 пр.: 22.1.28. Гай во 2-й книге «Повседневных дел». В плоды скота входят приплод, молоко, волос и шерсть; поэтому ягнята, и козлята, и телята немедленно по полному праву принадлежат добросовестному владельцу и лицу, извлекающему плоды. 22.1.28.1. «Ребенок же рабыни не входит в число плодов и потому принадлежит собственнику; ибо рассматривалось как абсурд то положение, что человек входит в число плодов, ибо для людей природа приготовила все плоды вещей».

⁴⁰D.1.1.5, Herm. 1 Epit.: «Этим правом народов введены война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ полей, построение зданий, торговля, купли и продажи, наймы, обязательства, за исключением тех, которые введены в силу гражданского права».

с собственностью, упоминая D.41.1.1pr., Gai. 2 *Res. cott.*, где Гай говорит, что на некоторые вещи мы приобретаем право собственности по всеобщему праву, которое «по естественным соображениям» (*naturali ratione*) соблюдается повсеместно⁴¹. Гай имеет в виду ничейные вещи, т. е. вещи, не принадлежащие по природе никому, как звери, птицы, образовавшиеся посреди моря острова, но которые могут стать чьей-то собственностью в результате захвата.

Таким образом, в «Сне садовника» рисуется, можно сказать, пессимистическая политическая антропология. Во-первых, политический порядок существует потому, что человеческая природы испорчена и будет только ухудшаться в будущем. У читателя и слушателя «Сна садовника» не может сложиться мнения, что власть и справедливость могут спасти человеческую природу, привести ее к счастью и полному воплощению ее разумных возможностей. Политическая власть основывается не на разуме и справедливости, а на естественном праве (в прочтении Ольдрадо да Понте), и, если конкретнее, на власти, которую человек может обретать над природными вещами.

В средневековом богословии представление о природе человека тесно связано с понятием времени (или состояния) невинности: подлинная человеческая природа такова, какой она была создана Богом и не испорчена грехом. Оно рассматривается по-разному с точки зрения темпоральности: это может быть время до грехопадения первых людей, доисторическое время; или время до Ноя, то есть буквально допотопное. Так или иначе, это *естественное* состояние человека⁴². Соответственно различному взгляду на человеческую природу и естественное право у придворных интеллектуалов круга Карла V Мудрого различаются и взгляды на состояние невинности.

Один из важнейших вопросов, связанных с состоянием невинности — это вопрос о том, существовало ли в состоянии невинности господство и рабство. Две основные традиции трактовки этого вопроса восходят

⁴¹D.41.1.1. Гай во 2-й книге «Повседневных дел, или Золотых». Мы приобретаем право собственности на некоторые вещи по всеобщему праву (*iure gentium*), которое по естественным соображениям (*naturali ratione*) соблюдается равным образом среди всех людей, на некоторые — по гражданскому праву, то есть по собственному праву нашей гражданской общины. И поскольку всеобщее право возникло раньше, вместе с самим родом человеческим, следует, чтобы оно было рассмотрено прежде всего.

⁴²Не следует смешивать с понятием «естественного состояния» в политической философии XVII в., хотя их связь заслуживает специального рассмотрения.

к блаженному Августину и Фоме Аквинскому. Они сходятся, во-первых, в том, что в любом случае человек создан как господин над животными, в соответствии с Быт. 1:26; во-вторых, в том, что в обеих традициях рабство и подчиненность не различаются. С точки зрения блаженного Августина первой причиной рабства, т. е. вообще порядка господства и подчинения является грех, и даже больше: само по себе рабство — не отдельная природа, а только имя греха как некоторой сущностной нехватки⁴³, и даже то рабство, которое возникает по причине справедливой войны, связано с грехом⁴⁴. Таким образом, подлинная человеческая природа чужда греху и рабству, и человеческое спасение как восстановление в этой природе должно упразднить любой порядок господства и подчинения, любое начальствование⁴⁵.

Иначе эту проблему трактовал Фома Аквинский. Он отмечал, что слово «господство» (*dominium*) используется в двух значениях: как антоним к слову «рабство», т. е. подразумевает, что господин распоряжается рабом как собственностью; и как наставление и направление к благу — собственному или общему⁴⁶. Если первое, безусловно, противоречит природе, то второе вполне могло иметь место в состоянии невинности, потому что соответствует: (а) общественной природе человека (в этом вопросе Фома выступает как последовательный читатель Аристотеля); (б) тому факту, что даже в естественном состоянии, с точки зрения

⁴³В Писании мы не встречаем раба прежде, чем праведный Ной покарал этим именем грех сына (Быт. 9:25). Не природа, таким образом, а грех заслужил это имя (Августин, 1998: XIX.15).

⁴⁴Ведь и в то время, когда ведется справедливая война, ради греха подвергает себя опасности противная сторона, и всякая победа, хотя бы склонилась она и на сторону дурных, по божественному суду уничтожает побежденных, или исправляя, или наказывая грехи (там же).

⁴⁵Почему апостол увещевает и рабов подчиняться господам и служить им от души с готовностью (Ефес. 6:6–7), т. е. если они не могут получить от господ своих свободу, то сами они могут сделать служение свое некоторым образом свободным, служа не из притворного страха, а по искреннему расположению, пока придет неправда, упразднится всякое начальствование и власть человеческая и будет Бог все во всех (там же).

⁴⁶«...значение [слова] „господство“ двояко. Во-первых, оно является антонимом [слову] „рабство“, и в этом случае оно применимо к тому, субъектом которого является раб. В другом смысле господство понимается более обще и может иметь отношение к любому субъекту; в таком случае даже тот, кто управляет и наставляет свободных людей, может быть назван [их] господином. [...] человек в качестве господина свободного субъекта направляет его или к его собственному благу, или же к благу общему. Такое господство одного человека над другим могло существовать и в состоянии невинности по одной из двух [следующих] причин» (Aqu. S. Th. I^a-I^{ae}. Q. 96 a. 4 c. 4).

Фома, люди не были полностью равны ни духовно, ни телесно по естественным причинам. Таким образом, в естественном состоянии, с точки зрения Фомы, человек не просто жил, а должен был жить общественной, политической жизнью — господствовать и подчиняться не как раб, а как свободный, ради собственного и общего блага.

Николя Орем выступает в большей степени сторонником томистского взгляда на состояние невинности. Он рассуждает об этом в большой глоссе к фрагменту, в котором Аристотель говорит о рабстве (Аристотель, Жебелев, 1983b: 1255b). Орем рассматривает разные точки зрения на свободу и рабство — с точки зрения воли (ссылаясь на блаженного Августина), с точки зрения добродетели и порочности (ссылаясь на Цицерона), и, наконец, предлагает еще одну трактовку, которая состоит в том, что о свободе и рабстве следует говорить только в связи с человеческим общением (*communication humaine*). Далее он предлагает различие: можно рассматривать этот вопрос с точки зрения природы и с точки зрения закона (позитивного). По природе, повторяет Орем тезис Аристотеля, человек не подобен дельфийскому ножу, т. е. способности различаются от человека к человеку⁴⁷. Следовательно, утверждает Орем, в состоянии невинности, когда у человека не было необходимости выполнять столько работ для поддержания собственной жизни, все должны бы были быть свободны. Тем не менее, жизнь вне человеческого общения Орем не считает соответствующей человеческой природе. Он не дает конкретных ссылок на «тех авторов, что говорят, будто все свободны по природе, то есть по первому творению, природе нетронутой и неиспорченной грехом» (возможно, речь как раз об Августине), но приводит баснословный пример отшельников-брахманов из «Истории Александра»⁴⁸ и утверждает, что подобными им должны

⁴⁷ «...nature ne fait pas homme tel estoit le glaive delphique, ce est a dire homme qui souffrit a toutes ou plusieurs œuvres necessaires a vie humaine, car ne lez pourroit bien executer» (LP. 17a).

⁴⁸ Поэтому в состоянии невинности (*estat de innocence*), когда у человеческой природы не было таких потребностей, не было необходимости в таком различии. Таким образом можно прокомментировать тех авторов, что говорят, будто все свободны по природе, то есть по первому творению, природе нетронутой и неиспорченной грехом. В истории Александра сказано, что такой природы были брахманы, но это представляется басней («Et par ce appert que en estat de innocence, quant nature humaine ne avoit pas telez necessités, il ne estoit mestier de tele distinction. Et selon ce pevent estre glosés aucuns docteurs qui dient que touz sunt frans par nature, ce est a dire selon la premier creation et selon nature entiere et non corrompue par pechey. Et de tele nature approcheoient telz gens, comme l'istoire de Alixandre dit que les Bragmans estoient, mes ce semble une fable») (LP. 17a–17b).

были быть люди, которые жили до того, как появилось всеобщее право, *jus gentium*. Такие люди, говорит Орем, должны были бы оставаться свободными, живя сообща:

По мнению некоторых, таковы были люди до того, как появилось право, называемое *jus gentium*. Поэтому иные законы гласят, что все рождаются свободными по природе. [...] Но это следует понимать так, что все свободны по природе и не подвержены тому рабству, которое проистекает из военного насилия; это не значит, что большинство по природе не склонны к рабскому труду, и то, что они прислуживают, не соответствовало бы естественному праву и не было бы справедливо. [...] Также это ясно по другому соображению, ведь необходимость и нужда, по которой человек не может жить без помощи других, служат наилучшей цели, потому что это причина, которая принуждает, приводит людей к общению, что является естественным и наивысшим благом⁴⁹.

Для того, чтобы объяснить тот факт, что в состоянии невинности все равно существует порядок господства и подчинения, Орем использует понятие *servitude naturel*, естественного подчиненного состояния, которое необходимо человеку для выживания, ведь природа ведет себя по отношению к человеку как суровая кормилица и не дает тех преимуществ, которые есть у зверей — здесь Орем ссылается на «Естественную историю» Плиния⁵⁰. Примечательно то, что когда Орем упоминает о всеобщем праве, он не переводит это выражение на французский, а оставляет на латыни, как он поступает в тех случаях, когда имеет дело с терминами чуждой ему науки (в данном случае — права). Естественное право он, тем временем, называет по-французски — *droit*

⁴⁹«Et selon l'opinion d'aucuns, telz estoient les gens avant que fust le droit appellé *jus gentium*. Et pour ce dient aucunes lays que tous estoient naiz frans par nature. Mes il doivent estre ainsi entendues que tous estoient par nature frans et non subjects e tele servitude comme est celle qui vint par violence de guerre. [...] Et ne est pas a entendre aue pluseurs par nature ne soient enclins a œuvres serviles et qu'il ne soit expedient et juste selon droit naturel qu'il servent. [...] Item, ancor appert ce que dit est par autre raison, car necessité et indigence pour quoy un homme ne peut vivre sans l'aide dez autres est pour tres bonne fin, car ce est la cause qui enduit et contraint les gens a communicacion, qui est un bien naturel et tres excellent» (LP. 17b).

⁵⁰Первенство же по праву будет отдано человеку, ради которого могущественная природа, кажется, породила все остальное, воздав суровой платой за свои столь щедрые дары, так что трудно определить, была ли она человеку больше родительницей или злой мачехой. Прежде всего, из всех живых существ его одного она украшает чужими средствами, остальным дарует свое различное покрытие: раковины, панцири, шкуры, иглы, мохнатую шерсть, щетину, волосы, пух, перья, чешую и густую шерсть (Гай Плиний, Маркин, 2010: 94).

naturel, как если бы это был термин той науки, которой Орем занимается, комментируя Аристотеля — политики.

Таким образом, Никола Орем сохраняет различие, введенное Фомой, между подчинением естественным и подчинением, возникшим в результате насилия и противного природе. Первое соответствует природе человека и может иметь место даже тогда, когда еще не существовало ни всеобщего права, ни, тем более, гражданского, — то есть в состоянии невинности. Это связано с несовершенством человеческого тела и с совершенством человеческого разума, позволяющего человеку общаться с себе подобными и стремиться к общему благу. Последнее, в свою очередь, означает, что для Орема состояние невинности — это не положение Адама до грехопадения, а часть человеческой истории.

Для составителя «Сна садовника» состояние невинности выглядит иначе. Из-за того, что этот трактат является компиляцией, конечно, нельзя говорить о какой-либо последовательно выстроенной теории, однако фрагменты, рассматривавшиеся выше, — из «О бедности Спасителя» и из Ольдрадо да Понте, в целом согласованы. Так, в SdV. CXXVIII, в первую очередь разделяет власть (*dominium, seignorie*) на божественную и человеческую:

...верно, что существует две власти: божественная и человеческая. Божественная власть — это иметь право на все вещи, собранные под небом, и мочь использовать их как угодно. Такая власть принадлежит только Богу. Есть другая власть, называемая человеческой, которая была у Адама, нашего праотца, и эта власть — не что иное как право и власть (*auctorité*) разумной человеческой твари иметь в естественной собственности вещи, которые ей естественным образом подвластны, мочь их использовать, распоряжаться как угодно...⁵¹

Власть человека естественным образом распространяется только на вещи, это господство, *dominium*, которая, как объясняет Фицральф, ссылаясь на «О божественных именах» Псевдо-Дионисия Ареопагита,

⁵¹ «Et pour ce que vous avez pallé de plusieurs manieres de seignories, il est vray que il est double seignorie : la seignorie divine et la seignorie humaine. La seignorie divin est avoir droit en toutes lez choses qui sont comprises soubz lez nues et avoir puissance d'an user selon son plaisir ; ceste plaine seignorie est de Dieu seulement. Il est une aultre seignorie, qui est appellé la seignorie humaine, qui fust de Adam nostre premier père ; et n'est ceste seignorie aultre chose que droit et auctorité de humaine creature raysonable d'avoir possession naturele dez choses lezquelles luy sont naturelement subjectes, et pover d'an user lisiblement, et que il puist en ordener tout ce [que] il luy plet, par quoy je entens que il en puet user, lez louer, prester, deposer, vendre et engager, deffendre et multiplier» (SdV. I.CXXVIII.3–5).

даже по названию своему происходит от слова «дом»: «Господство называется так от дома (*domo*), а дом (*domus*) — происходит от „господин“ (*domino*)»⁵². Она не подобает никаким другим творениям: зверям и птицам, потому что они неразумны и стоят ниже человека, а ангелам — потому что у них нет такого материального тела, которое нужно было бы поддерживать пищей. Именно такая власть принадлежала Адаму, и до сих пор она остается по сути человеческой властью. Власть политическая в состоянии невинности принадлежала только самому Богу:

...от сотворения человека и до времен Ноя не было высшего правителя на земле, кроме одного Бога. Бог правил миром сам, без иного царя или светского правителя, и карал преступления и проступки, как видно на примере Каина, Ламеха и других. Вот так в то время не было ни закона, ни декреталии, ни канона, а мир управлялся соответственно естественному разуму (*rayson naturel*), и каждый склонялся ко всяческому добру, ведь царствовал величайший разум в человеческой твари⁵³.

Получается, что в состоянии невинности в допотопные времена среди людей не было политической власти и не было человеческих законов: власть божественная распространялась непосредственно. В формулировке Фицральфа примечательно также то, что он использует выражение *ratio naturalis*, естественное основание, естественный разум. Он говорит об этом как богослов, однако для составителя «Сна садовника» это выражение не могло не перекликаться с определением всеобщего права, которое Гай дает в «Институциях» и которое вошло в Дигесты:

...право, которое естественный разум установил между всеми людьми, соблюдается у всех одинаково и называется правом народов, как бы тем правом, которым пользуются все народы (D.1.1.9, Gai. 1 Inst.).

Без того непосредственного, чудесного правления Бога в состоянии невинности в тварном мире остается человеческая власть, которая состоит лишь во власти над вещами. Это соответствует и тому фрагменту, который заимствован в «Сне садовника» из Ольдрадо да Понте, когда

⁵²Цитата неточная, ср.: «Почему „господство“ и родственно словам „господин“, „го-что-господствует“, „господствующее“» (Дионисий Ареопагит, Прохоров, 2002: 545).

⁵³«...dez le conmancement de la creation humaine, il n'estoit nul souverain seigneur terrien, for Dieu eulement, juques au temps de Noël; et gouvernet Diex le monde par soy maismez, sanz aultre Roy ne prince seculier; et punisset lez crimes et delis, comme il appiert en Kaÿm et Lameth, et en plusieurs aultres. Et si n'estoit pour celluy temps ne loy, ne decretale, ne canon, mez se gouvernet le monde selon rayson naturele; et estoit chascun enclinés a faire touz biens, pour la tres grant rayson qui regnet en creature humaine» (SdV. I.CXXVIII.6).

тот рассуждает сначала о божественном праве: «...поскольку народ начал плодиться и размножаться, он оставил землю сынам человеческим, а Небо — небо Господу (Пс. 113:24)». Земля была разделена между людьми по принципу захвата как ничейная вещь. С одной стороны, Ольдрадо говорит о том, что основанием тому был божественный закон (как элемент божественного права):

По этому божественному Закону учреждены, установлены и разделены сеньории и королевства, ради управления⁵⁴ миром, как явствует из [примеров] Давида, Саула и Соломона и многих других царей, описанных в Ветхом Завете, о которых мы читаем в Декреталиях [Григория IX], что многие цари были посвящены по велению Бога⁵⁵.

С другой стороны, это полностью совпадает с тем, что он говорит о праве всеобщем, «которое также зовется естественным» (см. выше о концепции *первичного естественного права*), ссылаясь на Гермогенияна⁵⁶, по которому также разделены человеческие владения и проведены границы.

Если собрать в общем картину состояния невинности, как оно рисуется в «Сне садовника», можно заключить следующее. Во-первых, в состоянии невинности человеческий род не знал собственно политической жизни в том виде, в котором она сложилась после потопа, и управлялся Богом напрямую сообразно с естественным разумом. Во-вторых, человеческая власть как распространялась на природные вещи, зверей и птиц, так и осталась такой же — господством над природой; и по божественному установлению после прекращения состояния невинности осталась господством (*dominium*) над землей, которое первоначально устанавливается захватом⁵⁷.

⁵⁴В тексте стоит *policie*, устаревшая форма современного *police*, производная от латинизированного греческого *politia*, означающая в XIV в. «общественное администрирование, управление» («administration publique, gouvernement» (Französisches Etymologisches Wörterbuch..., 1928–2003: t. 9, p. 129–130).

⁵⁵«De ceste Loy divine sont lez signories divisés et lez royaumes, pour la pollicie du monde, ordenés et establish, comme il appiert our oy David, en Saül et en Salomon, et en plusieurs aultres roy approves en l’Ancien Testament, dezqueulz nous lisons De sacra unctione, ou chapitre unique, que plusieurs Roys furent consecrés du comandement de Dieu» (SdV. I.XXXVI.6–7).

⁵⁶Но рассмотрим, может ли он обосновать свое господство всеобщим правом, которое также называется правом естественным, поскольку Бог сотворил все вещи для людей, как говорится в Дигестах (D.22.1.28.pr-1, Gai. 2 Rer. cott.). По этому праву разделены сеньории, созданы и устроены города, основаны королевства, как гласит закон (D.1.1.5, Herm. 1 Epit.) (SdV. I.XXXVI.25).

⁵⁷Королевская, папская и императорская власть в «Сне садовника» не является по природе человеческой, а божественной. Это было важнейшим тезисом Ричарда Фицральфа

В результате вырисовываются два принципиально различных взгляда на состояние невинности. Для Николя Орема это некоторое время, когда в человеческом обществе существовали естественно необходимые (а не те, которые устанавливаются в результате войны) господство и подчинение, и это не противоречило свободе человека, но, наоборот, соответствовало необходимости стремиться к высшему благу посредством политического общения. Орему это представляется справедливым и соответствующим естественному праву, которое он также называет *jus gentium*, однако не развивает этот термин. С другой стороны, в «Сне садовника» состояние невинности выглядит не как идеально сбалансированная справедливая полития, а более пугающе, потому что это время, когда Бог правил миром напрямую, без посредников, сообразно естественному разуму. Человеку осталось господство над вещами: зверями, птицами и землей, которую он занимает при помощи захвата после того, как состояние невинности оказалось потеряно.

Среди придворных интеллектуалов Карла V Мудрого существовало очень серьезное, парадигматическое противоречие. Оно касается одних из самых фундаментальных понятий, от которых отталкиваются философия и юриспруденция: природы, закона, права. Это противоречие не просто концептуальное, но и синтаксическое: стороны различным образом связывают понятия, по-разному ставят вопросы, а подчас под одним и тем же имеют в виду разные вещи.

Комментатор Аристотеля Николя Орем уповает на закон природы, который открыт для человеческого знания. Благодаря знанию этого закона и его деталей человек может спастись: излечиться и стремиться к общему благу. Поэтому и законы человеческие должны быть сообразны закону природы. По этому закону все люди рождаются свободными, и то, что в рамках политического общения одни из них становятся начальствующими, а другие — подчиняющимися, не умаляет этого, не мешает, а способствует установлению подлинной справедливости, как это и было в состоянии невинности. Орем рисует, можно сказать, оптимистическую политическую антропологию. Иначе выглядит картина, которую мы видим в «Сне садовника», и условно ее можно назвать

как полемиста; для составителя «Сна садовника» это важно потому, что он подчеркивает прямое происхождение королевской власти от Бога в русле французской королевской религии (Цатурова, 2001: 189–209; Guéy, 1996: 27–47).

философски пессимистической. Человеческая власть является только господством над вещами: она устанавливается не в соответствии с принципами наук и разума, а как попытка удержать то, что постоянно ухудшается — силу и мощь человеческой природы. Это не восстановление правления разума и справедливости, как было в состоянии невинности, — да и это было бы страшно, ведь в состоянии невинности человеческого общества Господь правил миром непосредственно, собственной абсолютной властью. Разумеется, философ с одной стороны и составитель «Сна садовника» с другой и власть мыслят совсем по-разному — как то, что должно соответствовать закону природы, и как то, что является по своей сути господством. Возможно, в силу того, что средневековое знание — это трансляция и комментарий, а интеллектуалы Карла V в первую очередь вообще переводчики, это противоречие не между конкретными людьми, а между крупными философскими моделями, которые и коренятся, и плодоносят далеко за пределами Средних веков.

СОКРАЩЕНИЯ

- Aqu. S. Th. I^a–I^{ae} *Thomas Aquinas. Opera omnia editio Leonina. Vol. IV–XII. Summa Theologiae. — Romae : St. Sabinae, 1888/1906.*
- LC *Oresme N. De coelo et mundo d'Aristote // Medieval Studies / Ed. A. D. Menut, A. Denomy. — 1941. — Vol. 3. — P. 185–280.*
- LP *Oresme N. Le livre de Politique d'Aristote / Publ. A. D. Menut. — Philadelphia : American Philosophical Society, 1970.*
- SdV *Trémaugon E. Le Songe du Vergier. T. I/II / Éd. M. Schnerb-Lievre. — Paris : Centre National de la Recherche Scientifique, 1982.*

ЛИТЕРАТУРА

- Аристотель. Метафизика / пер. с древнегреч. А. В. Кубицкого // Сочинения. В 4 т. Т. 1 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1976. — С. 63–369.*
- Аристотель. Метеорологика / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской // Сочинения. В 4 т. Т. 3 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1981а. — С. 441–558.*
- Аристотель. О небе / пер. с древнегреч. А. В. Лебедева // Сочинения. В 4 т. Т. 3 / коммент. И. Д. Рожанского ; предисл. И. Д. Рожанского. — М. : Мысль, 1981б. — С. 263–378.*
- Аристотель. Никомахова этика / пер. с древнегреч. И. В. Брагинской // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1983а. — С. 53–294.*

- Аристотель*. Политика / пер. с древнегреч. С. А. Жебелева // Сочинения. В 4 т. Т. 4 / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1983b. — С. 375–644.
- Гай Плиний Цецилий Секунд*. Естественная история. Книга VII / пер. с лат. А. Маркина // Вестник Удмуртского университета. — 2010. — № 1. — С. 94–102.
- Дионисий Ареопагит*. О божественных именах // Сочинения. Толкования / Дионисий Ареопагит, Максим Исповедник ; пер. с греч. Г. М. Прохорова. — СПб. : Алетейя, Олег Абышко, 2002. — С. 207–566.
- Иоанн Грациан*. Согласование несогласных канонов / пер. с лат. Н. Ф. Ускова // Антология мировой правовой мысли. В 5 т. Т. 2. Европа V–XVII вв. / под ред. Н. А. Крашенинниковой. — М. : Мысль, 1999. — С. 240–274.
- Марей Е. С.* Понятие справедливости в трудах Исидора Севильского // ΣΧΟΛΗ. — 2014. — Т. 8, № 2. — С. 365–377.
- Марей Е. С.* Определение *ius gentium* и его место в разделении права Исидора Севильского // Древнее право : научно-практический журнал. — 2016. — Т. 34, № 2. — С. 114–129.
- Пономарева М. А.* Lex Regia у Ольрадо да Понте : «за» и «против» императора // ЭНОЖ «История». — 2023. — Т. 16, № 6. — URL: <https://history.jes.su/s207987840025789-6-1/>.
- Цатурова С. К.* Карл Великий и «королевская религия» во Франции XIV–XV вв. // Карл Великий : реалии и мифы / под ред. А. А. Сванидзе. — М. : ИВИ РАН, 2001. — С. 189–209.
- Aristoteles*. De Coelo cum Averrois Cordubensis Commentariis // Aristotelis omnia que extant opera. — Venetiis : apud Iuntas, 1550.
- Aristoteles*. Politica / Ed. F. Susemihl. — Leipzig : Teubner, 1872.
- Aristoteles*. Politica. Translatio prior imperfecta interprete Guillelmo de Moerbeka / sous la dir. de P. Michaud-Quantin. — Bruges, Paris : Aristoteles-Latinus, 1961.
- Averroes*. Commentum magnum super libro De celo et mundo Aristotelis / Ed. F. J. Carmody, R. Arnzen. — Leuven : Peeters, 2003.
- Babbitt S. M.* Oresme's Livre de Politiques and the France of Charles v // Transactions of the American Philosophical Society. — 1985. — Vol. 75, no. 1. — P. 1–158.
- Bastit M.* Loi naturelle et droit naturel au déclin du Moyen-Age // Revue d'histoire des facultés de droit et de la culture juridique, du monde des juristes et du livre juridique. — 1987. — P. 47–62.
- Body Politics : The Diversification of Organic Metaphors in the Later Middle Ages // Il Pensiero politico medievale. — 2004. — Vol. 2. — P. 59–87.
- Boudet J.-P.* A «College of Astrology and Medicine»? Charles v, Gervais Chrétien, and the Scientific Manuscripts of Maître Gervais's College // Studies in History and Philosophy of Science Part C : Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences. — 2010. — N° 41. — P. 99–108.
- Bowsky W. M.* Henry VII in Italy : The Conflict of Empire and City-State, 1310–1313. — Lincoln : University of Nebraska Press, 1960. — P. 17–23.

- Briguglia G.* Langages politiques, modèles et métaphores corporelles. Propositions historiographiques / L'Atelier du Centre de recherches historiques. — 2008. — URL : <http://journals.openedition.org/acrh/318> (visité le 30 juill. 2023).
- Brock R.* An Edition of Richard Fitzralph's "De Pauperie Salvatoris". Books v, vi, and vii. — University of Colorado, 1954.
- Coopland G. W.* Nicole Oresme and the Astrologers : A Study of his Livre des Divinations. — Cambridge (MA) : Cambridge University Press, 1952.
- Corpus iuris civilis : In 3 Bde. / hrsg. von P. Krüger, T. Mommsen, R. Schöll, G. Kroll. — Berolini : Weidmannos, 1872–1895.
- Courtenay W. J.* The University of Paris at the Time of Jean Buridan and Nicole Oresme // Vivarium. — 2004. — Vol. 42, no. 1. — P. 3–17.
- Coville A.* Evrart de Trémaugon et le Songe du Verger. — Paris : Droz, 1933.
- Dodu G.* Les idées de Charles v en matière de gouvernement // Revue des questions historiques. — 1929. — T. 110. — P. 5–46.
- Dunne M. W., Nolan S.* Introduction // A Companion to Richard Fitzralph : Fourteenth-Century Scholar, Bishop and Polemicist / M. W. Dunn, S. Nolan. — Leiden : Brill, 2022. — P. 21–22.
- Fedele D.* Ius gentium : The Metamorphoses of a Legal Concept (Ancient Rome to Early Modern Europe) // Empire and Legal Thought : Ideas and Institutions from Antiquity to Modernity / ed. by E. Cavanagh. — Leiden, Boston : Brill, 2020. — P. 225–232.
- Flüeler C.* Rezeption und Interpretation der aristotelischen Politica im späten Mittelalter : Teil 1. — Amsterdam : B. R. Grüner, 2012.
- Foulechat D.* Le Policratique de Jean de Salisbury, 1372, livres I–III / sous la dir. de C. Brucker. — Genève : Droz, 1994.
- G. Iulii Solini.* Collectanea rerum mirabilium / Rec. T. Mommsen. — Berolini : apud Weimannos, 1895.
- Grabmann M.* Die mittelalterliche Kommentare zur Politik des Aristoteles // Sitzungsberichte des Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophische-Historische Abteilung. — 1941. — Jg. 10, Nr. 2. — S. 5–11.
- Guéry A.* Le roi est Dieu, le roi et Dieu // L'état ou le roi : les fondations de la modernité monarchique en France, XIV–XVII siècles / sous la dir. de N. Bulst, R. Descimon, A. Guerreau. — Paris : Maison des Sciences de l'Homme, 1996. — P. 27–47.
- Hartmann H. C.* Lateinische Dialoge 1200–1400 : Literaturhistorische Studie Und Repertorium. — Leiden : Brill, 2007.
- Hellmann M.* Kaiser Heinrich VII. und Venedig // Historisches Jahrbuch. — 1957. — Jg. 76. — S. 15–33.
- Heyen F.-J.* Kaiser Heinrichs Romfahrt. Die Bilderchronik von Kaiser Heinrich VII. und Kurfürst Balduin von Luxemburg (1308–1313). — Boppard am Rhein : Boldt, 1965.
- Hitzfeld K. L.* Die letzte Gesandtschaft Heinrichs VII. nach Avignon und ihre Folgen // Historisches Jahrbuch. — 1964. — Jg. 83. — S. 43–53.

- Jourdain C.* Nicolas Oresme et les astrologues de la cour de Charles v // Excursions historiques et philosophiques à travers le Moyen Âge. — Paris : V. Palmé, 1888. — P. 564–565.
- Krynen J.* Les légistes «idiots politiques». Sur l’hostilité des théologiens à l’égard des juristes, en France, au temps de Charles v // Théologie et droit dans la science politique de l’État moderne. Actes de la table ronde de Rome (12–14 novembre 1987). — Rome : École Française de Rome, 1991. — P. 171–198.
- Lagarde G. de.* Le Songe du Vergier et les origines du gallicanisme // Revue des sciences religieuses. — 1934. — T. XIV.
- Lagarde G. de.* La naissance de l’esprit laïque au déclin du Moyen Âge. T. 3. — Louvain : Nauwelaerts, 1970.
- Le Liber de causis. Édition établie à l’aide de 90 manuscrits avec introduction et notes // Tijdschrift Voor Filosofie / sous la dir. d’A. Pattin. — 1966. — T. 28, n° 1. — P. 90–203.
- Li Fet des Romains compilé ensemble de Saluste et de Suetoine et de Lucan, texte du XIII-e siècle publié pour la première fois d’après les meilleurs manuscrits. T. 1 / sous la dir. de L.-F. Flutre, K. de Vogel Sneyders. — Geneva : Slatkine, 1977.
- McManus B.* The Consilia et Quaestiones of Oldradus de Ponte // Bulletin of Medieval Canon Law. — 1999. — Vol. XXIII. — P. 85–113.
- Montagu G.* Roman Law and The Emperor — The Rationale Of “Written Reason” In Some “Consilia” of Oldradus Da Ponte // History of Political Thought. — 1994. — No. 1. — P. 1–56.
- Nederman C.* The Physiological Significance of the Organic Metaphor in John of Salisbury’s Policraticus // History of Political Thought. — 1987. — Vol. 8, no. 2. — P. 211–223.
- Oresme N.* Traité monétaire (1355) = Treatise on money (1355). Édition trilingue juxtaposée, Latinus-Français-English. — Paris : Cujas, 1990.
- Oresme N.* Prologue du traducteur / Barale E. Le «Prologue du traducteur» des Éthiques et des Politiques d’Aristote par Nicole Oresme (1370–1374) // Corpus Eve, Éditions de textes ou présentations de documents liés au vernaculaire / OpenEdition Journal. — URL: <http://journals.openedition.org/eve/634> (visited on Apr. 6, 2020).
- Quillet J.* Charles v: le roi lettré: essai sur la pensée politique d’un règne. — Paris : Librairie Académique Perrin, 1984.
- Sancti Thomae de Aquino In libros Aristotelis De caelo et mundo expositio / Corpus Thomisticum ; ed. by E. Alarcón. — URL: <https://www.corpusthomicum.org/ccm1.html> (visited on July 29, 2023).
- Schnerb-Lievre M.* Évrart de Tremaugon et le Songe du Vergier // Romania. — 1980. — T. CI. — P. 527–530.
- Shahar S.* Nicolas Oresme, un penseur politique indépendant de l’entourage du roi Charles v // L’information historique. — 1970. — T. 32. — P. 203–209.

Valsecci C. Oldrado da Ponte // Dizionario biografico dei giuristi italiani. — Bologna : Il mulino, 2013.

Volante R. Fatto Normativo E «interpretatio Iuris» : La Definizione Del Possesso Nel Diritto Comune // Ordo iuris : storia e forme dell'esperienza giuridica / a cura di M. Sbriccoli. — Milano : Giuffrè, 2003. — P. 1–39.

Zacour N. Jews and Saracens in the Consilia of Oldradus de Ponte. — Toronto : Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1990.

Ponomareva, M. A. 2024. “Yestestvennyy zakon i yestestvennoye pravo [Natural Law and Natural Right]: bogoslovy i yuristy pri dvore Karla v Mudrogo [Intellectuals at the Court of Charles v the Wise]” [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 13–47.

MARIA PONOMAREVA

PHD STUDENT IN HISTORY

INSTITUTE OF WORLD HISTORY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES (MOSCOW, RUSSIA)

DIRECTOR'S ADVISOR IN PARENTING

MOSCOW INTERNATIONAL FILM SCHOOL, FILM COLLEGE № 40 (MOSCOW, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9229-9924

NATURAL LAW AND NATURAL RIGHT

INTELLECTUALS AT THE COURT OF CHARLES V THE WISE

Submitted: Aug. 13, 2023. Reviewed: Sept. 12, 2023. Accepted: Apr. 11, 2024.

Abstract: The research is devoted to the difference in usage of concepts of “natural law” (*lex naturalis / loi naturelle*) and “natural right” (*ius naturale / droit naturel*) in the writings of intellectuals at the court of Charles v the Wise. Due to the royal cultural politics, many translations from Latin to French were composed in the 1360s–70s; furthermore, court intellectuals originated from different social and cultural layers and groups. The most striking difference among them was between “theologians”, graduated from theology faculties, and “legists” or jurists, graduated from law faculties. The ratio of the difference in their political-philosophical programs can be investigated through their application of the most extensive concept, that of nature. Via the example of Nicolas Oresme, theologian and philosopher, it is revealed that the law of nature for him is the source of knowledge about how the positive law should function. On the other hand, in the *Songe du Vergier*, a treatise from “jurists’ camp”, the concept of natural right prevails and comes close to *ius gentium*. Finally, the difference between Oresme’s and the composer of *Songe du Vergier*’s views appears in their treatment of the concept of the state of innocence, the time in human history when there was no positive law.

Keywords: Intellectual History, Natural Law, Natural Right, Charles v the Wise, Nicolas Oresme, Medieval Political Thought, Songe du Vergier, State of Innocence.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-13-47.

REFERENCES

- Alarcón, E., ed. "Sancti Thomae de Aquino In libros Aristotelis De caelo et mundo expositio" [in Latin]. Corpus Thomisticum. Accessed July 29, 2023. <https://www.corpusthomicum.org/ccm1.html>.
- Aristoteles. 1550. "De Coelo cum Averrois Cordubensis Commentariis" [in Latin]. In *Aristoteles omnia que extant opera*. Venetiis: apud Iuntas.
- . 1872. *Politica* [in Latin]. Ed. by F. Susemihl. Leipzig: Teubner.
- . 1961. *Politica. Translatio prior imperfecta interprete Guillelmo de Moerbeka* [in Latin]. Ed. by P. Michaud-Quantin. Bruges and Paris: Aristoteles-Latinus.
- Aristotle. 1976. *Metafizika [Metaphysics]* [in Russian]. In vol. 1 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by A. V. Kubitskiy, 63–369. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1981a. *Meteorologika [Meteorology]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by I. V. Braginskaya, 441–558. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1981b. *O nebe [De caelo]* [in Russian]. In vol. 3 of *Sochineniya*, comm. by I. D. Rozhanskiy, trans. from the Ancient Greek by A. V. Lebedeva, with a forew. by I. D. Rozhanskiy, 263–378. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1983a. *Nikomakhova etika [Nicomachean Ethics]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by I. V. Braginskaya, 53–294. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- . 1983b. *Politika [Politika]* [in Russian]. In vol. 4 of *Sochineniya [Collected Works]*, ed. by V. F. Asmus, trans. from the Ancient Greek by S. A. Zhebelev, 375–644. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Averroes. 2003. *Commentum magnum super libro De celo et mundo Aristotelis* [in Latin]. Ed. by F. J. Carmody and R. Arnzen. Leuven: Peeters.
- Babbitt, S. M. 1985. "Oresme's Livre de Politiques and the France of Charles v" [in French]. *Transactions of the American Philosophical Society* 75 (1): 1–158.
- Bastit, M. 1987. "Loi naturelle et droit naturel au déclin du Moyen-Age" [in French]. *Revue d'histoire des facultés de droit et de la culture juridique, du monde des juristes et du livre juridique*, 47–62.
- "Body Politics: The Diversification of Organic Metaphors in the Later Middle Ages." 2004. *Il Pensiero politico medievale* 2:59–87.
- Boudet, J.-P. 2010. "A 'College of Astrology and Medicine' ? Charles v, Gervais Chrétien, and the Scientific Manuscripts of Maître Gervais's College" [in French]. *Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*, no. 41, 99–108.
- Bowsky, W. M. 1960. *Henry VII in Italy: The Conflict of Empire and City-State, 1310–1313*. 17–23. Lincoln: University of Nebraska Press.
- Bruglia, G. 2008. "Langages politiques, modèles et métaphores corporelles. Propositions historiographiques" [in French]. L'Atelier du Centre de recherches historiques. Accessed July 30, 2023. <http://journals.openedition.org/acrh/318>.
- Brock, R. 1954. *An Edition of Richard Fitzralph's "De Pauperie Salvatoris"*. Books v, vi, and vii. University of Colorado.
- Coopland, G. W. 1952. *Nicole Oresme and the Astrologers: A Study of his Livre des Divinations*. Cambridge (MA): Cambridge University Press.
- Courtenay, W. J. 2004. "The University of Paris at the Time of Jean Buridan and Nicole Oresme." *Vivarium* 42 (1): 3–17.

- Coville, A. 1933. *Evrart de Trémaugon et le Songe du Verger* [in French]. Paris: Droz.
- Dionysius the Areopagite. 2002. "O bozhestvennykh imenakh [The Divine Names]" [in Russian]. In *Sochineniya. Tolkovaniya [Works. Commentaries]*, by Dionysius the Areopagite and Maximus the Confessor, trans. from the Greek by G. M. Prokhorov, 207–566. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya / Oleg Abyshko.
- Dotu, G. 1929. "Les idées de Charles v en matière de gouvernement" [in French]. *Revue des questions historiques* 110:5–46.
- Dunne, M. W., and S. Nolan. 2022. "Introduction." In *A Companion to Richard Fitzralph : Fourteenth-Century Scholar, Bishop and Polemicist*, by M. W. Dunn and S. Nolan, 21–22. Leiden: Brill.
- Fedele, D. 2020. "Ius gentium: The Metamorphoses of a Legal Concept (Ancient Rome to Early Modern Europe)." In *Empire and Legal Thought : Ideas and Institutions from Antiquity to Modernity*, ed. by E. Cavanagh, 225–232. Leiden and Boston: Brill.
- Flüeler, Ch. 2012. *Rezeption und Interpretation der aristotelischen Politica im späten Mittelalter: Teil 1* [in German]. Amsterdam: B. R. Grüner.
- Flutre, L.-F., and K. de Vogel Sneyders, eds. 1977. *Li Fet des Romains compilé ensemble de Saluste et de Suetoine et de Lucan, texte du XIII-e siècle publié pour la première fois d'après les meilleurs manuscrits* [in French]. Vol. 1. Geneva: Slatkine.
- Foulechat, Denis. 1994. *Le Policratique de Jean de Salisbury, 1372, livres I–III* [in French]. Ed. by Ch. Brucker. Genève: Droz.
- G. Iulii Solini. 1895. *Collectanea rerum mirabilium* [in Latin]. Ed. by Th. Mommsen. Berolini: apud Weimannos.
- Gaius Plinius Caecilius Secundus. 2010. "Yestestvennaya istoriya. Kniga VII [Naturalis historia]" [in Russian], trans. from the Latin by A.N. Markin. *Vestnik Udmurt-skogo universiteta [Bulletin of Udmurt University]*, no. 1, 94–102.
- Grabmann, M. 1941. "Die mittelalterliche Kommentare zur Politik des Aristoteles" [in German]. *Sitzungsberichte des Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-Historische Abteilung* 10 (2): 5–11.
- Gratian. 1999. "Soglasovaniye nesoglasnykh kanonov [Decretum Gratiani ili Concordia discordantium canonum]" [in Russian]. In *Yevropa v–XVII vv. [Europe of the 5th – 17th Centuries]*, vol. 2 of *Antologiya mirovoy pravovoy mysl'i [Anthology of World Legal Thought]*, ed. by N. A. Krashenninnikova, trans. from the Latin by N. F. Uskov, 240–274. 5 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Guéry, A. 1996. "Le roi est Dieu, le roi et Dieu" [in French]. In *L'état ou le roi : les fondations de la modernité monarchique en France, XIV–XVII siècles*, ed. by N. Bulst, R. Descimon, and A. Guerreau, 27–47. Paris: Maison des Sciences de l'Homme.
- Hartmann, H. C. 2007. *Lateinische Dialoge 1200–1400: Literaturhistorische Studie Und Repertorium* [in German]. Leiden: Brill.
- Hellmann, M. 1957. "Kaiser Heinrich VII. und Venedig" [in German]. *Historisches Jahrbuch* 76:15–33.
- Heyen, F.-J. 1965. *Kaiser Heinrichs Romfahrt. Die Bilderchronik von Kaiser Heinrich VII. und Kurfürst Balduin von Luxemburg (1308–1313)* [in German]. Boppard am Rhein: Boldt.
- Hitzfeld, K. L. 1964. "Die letzte Gesandtschaft Heinrichs VII. nach Avignon und ihre Folgen" [in German]. *Historisches Jahrbuch* 83:43–53.
- Jourdain, Ch. 1888. "Nicolas Oresme et les astrologues de la cour de Charles v" [in French]. In *Excursions historiques et philosophiques à travers le Moyen Âge*, 564–565. Paris: V. Palmé.
- Krüger, P., et al., eds. 1872–1895. *Corpus iuris civilis* [in Latin]. 3 vols. Berolini: Weidmannos.

- Krynen, J. 1991. "Les légistes 'idiots politiques'. Sur l'hostilité des théologiens à l'égard des juristes, en France, au temps de Charles v" [in French]. In *Théologie et droit dans la science politique de l'État moderne. Actes de la table ronde de Rome (12–14 novembre 1987)*, 171–198. Rome: École Française de Rome.
- Lagarde, G. de. 1934. "Le Songe du Vergier et les origines du gallicanisme" [in French]. *Revue des sciences religieuses* XIV.
- . 1970. *La naissance de l'esprit laïque au déclin du Moyen Âge* [in French]. Vol. 3. Louvain: Nauwelaerts.
- Marey, Ye. S. 2014. "Ponyatiye spravedlivosti v trudakh Isidora Sevil'skogo [The Concept of Justice in the Works of Isidore of Seville]" [in Russian]. *ΣΧΟΛΗ* 8 (2): 365–377.
- . 2016. "Opredeleniye ius gentium i yego mesto v razdelenii prava Isidora Sevil'skogo [Definition of ius gentium and Its Place in Right According to Isidore of Seville]" [in Russian]. *Drevneye pravo [Ancient Law]: nauchno-prakticheskiy zhurnal [Scientific & Practical Journal]* 34 (2): 114–129.
- McManus, B. 1999. "The Consilia et Quaestiones of Oldradus de Ponte." *Bulletin of Medieval Canon Law* XXIII:85–113.
- Montagu, G. 1994. "Roman Law and The Emperor — The Rationale Of 'Written Reason' In Some 'Consilia' of Oldradus Da Ponte." *History of Political Thought*, no. 1, 1–56.
- Nederman, C. 1987. "The Physiological Significance of the Organic Metaphor in John of Salisbury's Policraticus." *History of Political Thought* 8 (2): 211–223.
- Oresme, N. 1941. "De coelo et mundo d'Aristote" [in French], ed. by A. D. Menut and A. Denomy. *Medieval Studies* 3:185–280.
- . 1970. *Le livre de Politique d'Aristote* [in French]. Ed. by A. D. Menut. Philadelphia: American Philosophical Society.
- . 1990. *Traité monétaire (1355) = Treatise on money (1355). Édition trilingue juxtaposée, Latinus-Français-English* [in French]. Paris: Cujas.
- . "Prologue du traducteur / Barale E. Le 'Prologue du traducteur' des Éthiques et des Politiques d'Aristote par Nicole Oresme (1370–1374) // Corpus Eve, Éditions de textes ou présentations de documents liés au vernaculaire" [in Latin]. OpenEdition Journal. Accessed Apr. 6, 2020. <http://journals.openedition.org/eve/634>.
- Pattin, A., ed. 1966. "Le Liber de causis. Édition établie à l'aide de 90 manuscrits avec introduction et notes" [in French]. *Tijdschrift Voor Filosofie* 28 (1): 90–203.
- Ponomareva, M. A. 2023. "Lex Regia u Ol'rado da Ponte [Lex Regia in the Writings of Oldrado da Ponte]: 'za' i 'protiv' imperatora [For and Against the Emperor]" [in Russian]. *ENOZh "Istoriya" [The Journal of Education and Science "ISTORIYA" ("History")]* 16 (6). <https://history.jes.su/s207987840025789--6--1/>.
- Quillet, J. 1984. *Charles v: le roi lettré: essai sur la pensée politique d'un règne* [in French]. Paris: Librairie Académique Perrin.
- Schneerb-Lievre, M. 1980. "Évrart de Tremaugon et le Songe du Vergier" [in French]. *Romania* CI:527–530.
- Shahar, S. 1970. "Nicolas Oresme, un penseur politique indépendant de l'entourage du roi Charles v" [in French]. *L'information historique* 32:203–209.
- Thomas Aquinas. 1888/1906. *Summa Theologiae* [in Latin]. Vol. IV–XII of *Opera omnia editio Leonina*. Romae: St. Sabinae.
- Trémaugon, E. 1982. *Le Songe du Vergier* [in French]. Ed. by M. Schneerb-Lievre. Vol. I–II. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique.
- Tsaturova, S. K. 2001. "Karl Velikiy i 'korolevskaya religiya' vo Frantsii XIV–XV vv. [Charles the Great and the 'Royal Religion' in France in 14th–15th cc.]" [in Russian]. In *Karl Velikiy [Charles the Great] : realii i mify [Reality and Myths]*, ed. by A. A. Svanidze,

- 189–209. Moskva [Moscow]: IVI RAN [Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press].
- Valsecci, C. 2013. “Oldrado da Ponte” [in Italian]. In *Dizionario biografico dei giuristi italiani*. Bologna: Il mulino.
- Volante, R. 2003. “Fatto Normativo E ‘interpretatio Iuris’: La Definizione Del Possesso Nel Diritto Comune” [in Italian]. In *Ordo iuris : storia e forme dell’esperienza giuridica*, ed. by M. Sbriccoli, 1–39. Milano: Giuffrè.
- Wartburg, W. v., ed. 1928–2003. *Französisches Etymologisches Wörterbuch: eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes* [in German]. Vol. 1–XXV. Bonn: F. Klopp.
- Zacour, N. 1990. *Jews and Saracens in the Consilia of Oldradus de Ponte*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies.